
Город,
в котором
никого нет
Слава труду!

Кирилл Борцов

Город в котором никого нет

«Автор»
2026

Борцов К.

Город в котором никого нет / К. Борцов — «Автор», 2026

Город Заводской живёт по одним и тем же правилам: люди просыпаются, идут на завод, возвращаются домой и молчат. Одинаковые лица, пустые взгляды, бесконечные серые будни. Кажется, здесь давно забыли, что значит быть человеком. Двадцатитрёхлетний парень мечтает уехать и начать новую жизнь. Но смерть отца, странные документы и тайны, которые годами скрывали за стенами завода, заставляют его остаться. Вместе с Дианой и Сеней он начинает искать правду. Постепенно расследование превращается в опасную игру, где каждый знает больше, чем говорит, а любое лишнее слово может дорого обойтись.В городе, где все привыкли молчать, что произойдёт с тем, кто решит заговорить? Иногда страшнее всего не отсутствие людей, а отсутствие в них человечности.

© Борцов К., 2026
© Автор, 2026

Кирилл Борцов
Город в котором никого нет

Город, в котором никого нет

Городок просыпался с неохотой. Я видел это с балкона третьего этажа: сначала в окнах зажигался тусклый жёлтый свет, потом из подъездов выходили люди — одинаковые, в серых куртках, с одинаковыми лицами. Они шли к проходной, где стоял турникет и вахтёр с лицом, похожим на выцветшую фотографию. Никто не разговаривал. Только шарканье шагов по асфальту, кашель, звук телевизора из открытого окна. Вечерние новости повторяли утренние, утренние — вчерашние.

Город назывался Заводской. Название было честным, как приговор. Ни курортов, ни красивых видов, ни истории. Был завод — огромный, серый, с трубой над крышами. За городом качались ржавые буровые установки, похожие на пьяных. И были люди. Семьдесят тысяч человек, которые жили здесь всю жизнь и не представляли, что бывает иначе.

Мне было двадцать три. У меня были взъерошенные волосы и сигарета в зубах. Я смотрел на поток людей и думал одно и то же: «Призраки. Куклы. Не люди». В зубах тлел мягкий фильтр.

— Доброе утро, — сказал я вслух. — Доброе утро, город, где никого нет.

Я докурил, затушил окурок о жестяную банку на подоконнике и вернулся в комнату. Продавленный диван, стол с облупившейся краской, телевизор, который я включал только ради фона. На стене — фотография в деревянной рамке: мужчина лет сорока, с усталыми глазами и улыбкой, будто говорившей: «Ничего, сынок, прорвёмся». Я никогда не смотрел на неё дольше секунды. Но не снимал.

В коридоре висело мутное зеркало с трещиной в углу. Я мельком взглянул в него и не задержался. Смотреть было не на что.

Через десять минут я спускался по лестнице. Подъезд пах сыростью и вчерашними сигаретами. На лестничной клетке стоял Сеня — в клетчатой рубашке, с кнопочным телефоном в руке. Он улыбнулся, будто знал, что сегодняшний день будет отличным. Вот бы он не ошибался.

— Доброе, — сказал он.

— Доброе.

Он хотел добавить что-то ещё, но я уже пошёл вниз. На первом этаже соседка тётя Валя выносила мусор — молча, не поднимая глаз. Я кивнул. Она не ответила. Я не удивился.

На улице всё было, как всегда. Старый «Жигуль» тарахтел у обочины, из открытого окна первого этажа бубнел телевизор. Люди текли к проходной. Они шли поодиночке и парами, но казались одним целым — серым, тянущимся роем. Я закурил вторую и пошёл следом.

По дороге я проходил мимо здания мэрии — приземистого, с облупившимся фасадом и флагом, который выцвел почти до белого. У входа стоял чёрный автомобиль, чистый, будто только что из мойки. Такие машины в Заводском были редкостью. Я замедлил шаг, но не остановился. Знал: если долго смотреть на такие вещи, возникнут вопросы.

Дальше — площадь с памятником Ленину. Ильич стоял, вытянув руку вперёд, и показывал в сторону завода. Я усмехнулся: даже памятник здесь знал, куда идти. У подножия лежали цветы — свежие, красные. Кто-то положил их недавно. Людей рядом не было. Я не стал думать об этом.

Вот она — проходная. Турникет, вахтёр с выцветшим лицом, очередь, которая никогда не заканчивалась. Я приложил пропуск, турникет щёлкнул, и я шагнул на территорию завода

— туда, где воздух был гуще, где пахло мазутом и железом, где день начинался не с «здравствуйте», а с гудка. Прогудела старая аппаратура.

— За работу, лодыри!

В цехе уже работали. Станки гудели, сварка вспыхивала синим, кто-то катил тележку с заготовками. Я шёл вдоль стены к своему месту и краем глаза видел знакомую картину: у стены стоял молодой парень в спецовке — Костя, — а перед ним начальник участка Владимир. Красная от злости морда, папка под мышкой. Он что-то говорил, тыча пальцем в бумаги, и голос его перекрывал шум цеха.

— Ты понимаешь, что ты наделал? — говорил Владимир. — Ты понимаешь, что из-за тебя весь участок под ударом? Ты вообще думаешь головой или чем? Костя молчал. Смотрел в пол. Руки сжаты в кулаки, но он молчал. Я остановился. «Почему ты молчишь? — подумал я. — Скажи что-нибудь. Возрази. Ударь его. Сделай хоть что-то». Костя поднял голову, открыл рот — и сказал:

— Извините. Я больше не буду.

Владимир удовлетворённо кивнул и пошёл дальше. Костя остался стоять, глядя в пол. Я смотрел на него ещё несколько секунд, потом отвернулся и пошёл к станку.

За спиной, у стены, висела доска объявлений. Приказы, графики, поздравления. И одна пожелтевшая бумажка, которую никто не снимал: «Список погибших при исполнении служебных обязанностей». Двенадцать фамилий. Я знал их наизусть. Одна была моей. Но об этом я не думал.

Я никогда не любил утро. Не потому, что рано вставать — к этому я привык. А потому, что утро — время, когда люди особенно честны. Они ещё не успели надеть маски, не успели притвориться, что всё хорошо. Они просто идут молча, с пустыми лицами, и ты видишь их такими, какие они есть. «Куклы», — вертелось на языке. Но я молчал.

Вечером я подошёл к Косте в курилке.

— Ты чего молчал? — спросил я.

Он пожал плечами:

— А смысл?

— Смысл в том, что он на тебя ни за что орёт. Ты даже не виноват. Он сам перепутал наряды.

— Ну и что? — Костя посмотрел на меня, как на ребёнка. — Я скажу — он меня уволит. А мне семью кормить. Мать болеет. Ты думаешь, я не хочу ему врезать? Хочу. Но что потом?

Я выпустил дым и ничего не ответил. Я смотрел на Костю и видел перед собой не человека, а образ. Понятный, предсказуемый, может быть, даже прагматичный, но мёртвый.

— И что потом? — повторил я тихо. — Потом — жизнь. А ты сейчас просто существуешь. Костя не понял. Или сделал вид, что не понял. Докурил, бросил окурок в урну и пошёл обратно в цех. Я остался один.

А вечером Владимир нашёл меня сам.

— Ты чего это сегодня уставился? — сказал он, подходя вплотную. — У тебя своя работа есть. Не лезь куда не просят.

Я посмотрел на него. Вот он — человек, который улыбался, когда под обломками умирал мой отец. Вот он — тот, кто отдал приказ вытащить тела и продолжить работу.

— А если я полезу? — сказал я.

Владимир прищурился:

— Что ты сказал?

— Я сказал: а если я полезу? — Я сделал шаг вперёд. — Что ты сделаешь? Уволишь? Ну давай.

В цехе стало тихо. Даже станки, казалось, на секунду сбились с ритма. Владимир покраснел, открыл рот, но я уже развернулся и пошёл к выходу.

— Ты пожалеешь! — крикнул он мне в спину. — Ты у меня не просто уволишься! Ты у меня вообще никуда не устроишься!

Я не обернулся. Дверь цеха хлопнула, и я оказался на улице — в том же сером вечере, среди тех же людей. В раздевалке меня ждал Сеня. Он сидел на лавке, крутил в руках телефон и делал вид, что просто зашёл. Я знал эту его манеру: Сеня всегда появлялся там, где я оставался один.

— Ну и что теперь? — спросил он, поднимая глаза.

— Не знаю, — сказал я. — Но здесь я больше не останусь.

Сеня помолчал. Поджал губы, провёл большим пальцем по кнопкам телефона — экран не горел, но он всё равно провёл. Потом вздохнул — коротко, через нос.

— Ну да, — сказал он тихо. — Ты никогда не остаёшься.

Я снял спецовку. Ткань была влажная от пота, и когда я бросил её в шкафчик, она не расправилась, а легла комом. Я хлопнул дверцей. Металлический грохот прокатился по пустой раздевалке.

— Ты чего пришёл-то? — спросил я, не оборачиваясь. — Смена ещё не кончилась.

— За тобой, — просто ответил он.

Он сказал это и сразу посмотрел на дверь. Не на меня. На дверь. Будто проверял, не вошёл ли кто. Потом снова на меня. Улыбнулся. Улыбка пришла с опозданием на полсекунды — сначала дёрнулся уголок рта, потом всё лицо. Я давно замечал: Сеня никогда не улыбался сразу. Будто сначала решал, стоит ли.

— Ты с Владимиром сцепился, — сказал он. — Я видел. Думал, ты, может, в разнос пойдёшь.

— Не дождался.

— Не дождался, — согласился Сеня. — А теперь что?

Я достал из кармана помятую пачку. Она хрустнула. Вытащил сигарету, постучал ею о крышку — два раза, привычка, от которой я никак не избавлюсь, — и закурил прямо в раздевалке. На стене висело объявление: «Курить запрещено». Бумажка пожелтела, уголок загнулся вниз, как язык. Я пустил дым в её сторону.

— Теперь — уеду, — сказал я.

— Куда?

— В большой город. Где живут люди.

Сеня хмыкнул. Не зло. Устало, будто слышал это уже сто раз и каждый раз знал, чем кончится.

— А деньги? — спросил он. — На билет, на квартиру, на первое время. У тебя же ни копейки.

Я затянулся и промолчал. Он был прав. Зарплата смешная, я всё спускал на сигареты и еду. Матери нет, отец погиб, квартира осталась от него — но продать быстро не выйдет, да и кому она нужна в Заводском? Я смотрел, как тлеет сигарета, и чувствовал раздражение. Не на Сеню. На себя.

— Найду работу, — сказал я. — Не здесь. В другом месте. Хоть грузчиком.

— Ага, — протянул Сеня.

Он чуть качнул головой — вправо-влево, едва заметно. Так качают, когда не верят, но не хотят спорить. Потом поднял глаза. В них было что-то вроде жалости. Я это ненавидел.

— И как ты её найдёшь? — сказал он. — В городе, где все друг друга знают? Владимир же сказал — он тебя никуда не устроит. Позвонит кому надо, и всё. Ты же знаешь, как здесь дела делаются.

Я знал. Конечно, знал. В Заводском всё решалось по звонку, по знакомству. Если Владимир скажет — а он скажет, — меня никуда не возьмут. Оставалось одно: уехать без денег,

на автобусе, с тем, что есть в кармане. Может, неделю перекантоваться на вокзале, найти хоть какую-то подработку.

— Значит, уеду без денег, — сказал я упрямо.

Сеня покачал головой. Потом встал. Подошёл ближе, но не вплотную — остановился в шаге, будто наступил на невидимую черту. Руки держал перед собой, пальцы переплетены. Большие пальцы крутили друг друга — медленно, методично, как заводная пружина.

— Слушай, — сказал он тихо. — Есть один вариант. Деньги нужны — я могу занять. Немного, но на первое время хватит.

Он замолчал. Я ждал. У него дёрнулось веко — левое, чуть-чуть. Потом он сказал:

— Только ты это… не руби с плеча. Подумай. Может, всё не так плохо.

— Что не так плохо? — Я посмотрел на него в упор.

Он отвёл глаза. Не сразу — сначала выдержал, потом моргнул и отвёл.

— То, что меня только что чуть не уволили за то, что я сказал правду? — сказал я. — То, что Костя молчит, когда на него ни за что орут? То, что весь город ходит как стадо и никто даже не пикнет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.